

В.Я. Курбатов

Моцарт Степанович

Неблагодарная память! Первую-то встречу с Семеном Степановичем я ведь забыл! А уж он тогда, в 1965 году, тем, кем был – мифом, легендой, славой Михайловского. И те, кто знал его дольше, уже ехали сюда к нему, везли своих друзей к нему, радовались встрече с ним. Как было не запомнить? А вот поди ты. Это уж позже стал вести дневник. И теперь могу в точности сказать, что он делал и говорил в такой-то день моего приезда, а что в другой. Там будут все времена года и все темы. Но тут уж я лучше отошлю читателя, как в стары годы, к своей книжке «Домовой» (благо, она только вышла в Пскове вторым изданием), где собраны и письма Семена Степановича ко мне, и его импровизации, которые я записывал порой после встреч с ним на его благословенной веранде летом или в хорошо натопленных кабинете или столовой зимой. А тут я скажу о другом.

Что поражает больше всего теперь, когда его уже десять лет нет и когда ему сто! А то, что мы все знаем и о чем говорим, но чего, кажется, сами по-настоящему и до сего дня не слышим, зная умом, но не чувствуя глубиной сердца. И что, даже и хорошо понимая, все равно воспринимаем с изумлением, как не дающуюся тайну. Так вот эти изумление и тайна – в ЛИЧНОСТИ Семена Степановича.

Ну, сказал новость! Хоть бы предупредил! Кто же этого не знал и не говорил? Да ведь я и говорю, это знали, и сам сто раз про это написал. А вот сейчас, когда время, кажется, только и твердит о ценности личности, только и воспитывает личность, вдруг видишь, что слово это употребляется с позабытым или подмененным значением. Индивидуальностей и эгоистов хоть пруд пруди, талантов, говоря нынешним языком, «не меряно», пророков, мыслителей, «звезд» – не счесть (открой любой лакированный журнал, так и кинутся с обложки). Но ведь в слово «личность» мы вкладываем что-то

совсем другое, редкое, просто единичное, почему часто в соседстве с этим словом ходит прилагательное «выдающаяся». Это уж от бессилия – на самом деле прилагательное это уже скрыто в слове «личность».

Помните, так мы говорили, смущаясь неопределенностью и неполнотой выражения, о Д.С. Лихачеве? Все было то же, что и у других ученых, да не то. Вот и у Семена Степановича. То же делал, что другие директора музеев, писал те же отчетные бумаги, трепетал перед министерским начальством, сидел на тех же конференциях. А оказался – единственный, и государство, не зная других форм определения ценности личности, наименовало его Героем Социалистического Труда наравне с теми, кто строил ГЭС, был хорошим комбайнером или возьмем ближе, – писателем. А только тут был не герой, а именно ЛИЧНОСТЬ. Торжество счастливой свободы. Он после лагеря, может, ни разу не сказал этого слова, чтобы не спугнуть дорогую свободу, но был ее высочайшим выражением.

Он исследовал, играя, и играл исследуя. И пугал сотрудников то фанерными кассами в виде страшной головы из «Руслана и Людмилы», то мыслью о театрализованной игре с Пушкиным в Тригорском зеленом зале, откуда поэт сворачивал бы на глазах посетителей в баньку на берегу, то невиданным бильярдом «в два шара» в Михайловском зальце, то слоном на флагштоке Петровского. То есть пугал тем, что бросалось в глаза и с чем он сам легко прощался, пока за этим «незаметно» возводились усадьбы, устраивались парки, исследовались архивы, наживалось высокое пушкинское знание. Из всех поездок он тащил домой, вызывая укоры «специалистов» и «любителей», стригущую иву или клен-малину, языческий камень или поклонный крест. Он ставил ветряную мельницу на Сороти и, видя, что пушкинский мельник не переезжает, ставил в Бугрове водяную, так что безумному мельнику «Русалки» просто уже некуда было деваться.

Курбатов Валентин Яковлевич – секретарь правления Союза писателей России

Ему хотелось собрать в Михайловском всю Россию, чтобы Пушкину было хорошо и он бы не тосковал и не рвался ни в Петербург, ни в Москву. И Александр Сергеевич не рвался. И все это чувствовали, и всяк по Руси знал, что Пушкин в Михайловском. Семен Степанович не зря говорил: позовите его спокойным вечером любящей душой и он непременно ответит: «Иду!» Зимой, летом, весной, и уж конечно, осенью. И так было во всю его, Семен Степановичеву жизнь. И когда он вдруг подписывал укоризненную открытку: «Совсем забыли старика. Дядька Никита Козлов», то в этот миг именно пушкинским дядькой себя чувствовал и был им, как был и «домовым», и Ариной Родионовной, и арапом, и всеми тригорскими насельницами. Надо было только каждую минуту жить пушкинской свободой

и его духом, и тогда что ни делай, выходило на благо Пушкину и делалось им самим.

И вот, оглядываясь на без малого тридцать лет недолгих счастливых встреч, я только сейчас по-настоящему понимаю, что личность – это радостная свобода и она действительно редка, как редок гений. И как гений, дается Богом в дар: «ни за что», ни за особое усердие, ни за благородство ума, ни за «выслугу лет», а ДАРОМ, а уж великое усердие и благородство и «выслуга» полных труда лет сами собой, следствием этого дара выйдут. Что во все времена мучает всех Сальери, смущенных «легкостью» и беспечностью моцартова бытия и дара.

Те, кто знал Семена Степановича, меня и так поймут, а кто не видел, тому не расскажешь, как нельзя рассказать Свет, День, Любовь.

